

РЕЦЕНЗИЯ

д-ра Людмила Иванова Димитрова,

профессора Софийского университета им. Св. Климента Охридского,

Факультет славянских филологий, Кафедра русской литературы на материалах,

представленных для участия в конкурсе на академическую должность „профессор“

в Пловдивском университете им. Паисия Хилендарского

по: области высшего образования 2. Гуманитарные науки; профессиональное направление 2.1.

Филология; научная специальность Русская литература

В конкурсе на „профессора“, объявленного в Государственной газете (Държавен вестник), № 96 17. 11. 2023 г. и в интернет-странице Пловдивского университет „Паисий Хилендарский“ для нужд кафедры Русской филологии Филологического факультета в качестве кандидата участвует доц. дфн **Николай Михайлов Нейчев** Пловдивского университета.

Согласно приказа № РД-21-74 16. 01. 2024 г. Ректора Пловдивского университета „Паисий Хилендарский“ я определен как член научного жюри конкурса о занятии академической должности „профессор“ в ПУ по области высшего образования 2. Гуманитарные науки, профессиональное направление 2.1. Филология, объявленного для нужд кафедры Русской филология Филологического факультета по Русской литературе.

На участие в объявленном конкурсе подал документы единственный кандидат: доц. дфн Николай Михайлов Нейчев Пловдивского университета им. Паисия Хилендарского

Представленный кандидатом комплект материалов на бумажном носителе – в соответствии с Правилами о развитии академического состава ПУ, и включает следующие документы:

– Монография *„Квантовая литературная герменевтика и экзегетика. Проблема понимания художественного текста: Н. В. Гоголь и Ф. М. Достоевский“*, Пловдив, УИ „Паисий Хилендарский“ 2024;

– Университетский учебник *„Русская классическая литература. Часть первая. Русский роман XIX века“*, Пловдив, УИ „Паисий Хилендарски“ 2023;

– Учебное университетское пособие *„Русская драматургия XIX века“*, Пловдив, УИ „Паисий Хилендарский“ 2023; – Четырнадцать научных статей, опубликованные в период 2004–2023 г.

Кандидат доц. дфн Николай М. Нейчев приложил семнадцать (17) научных трудов: четырнадцать (14) статей, одну (1) монографию, один (1) учебник и одно (1) учебное пособие. Принимаются для рецензирования все семнадцать научных трудов. Распределение их в соответственных рубриках в стране и за рубежом следующее: тринадцать, изданных в Болгарии, из которых монография, учебник, пособие и десять статей; четыре, изданные за границей, из них: две статьи – в России, одна статья – в Китае и одна – в Канаде. Все тексты за границей опубликованы на русском языке.

Документы и материалы, представленные доц. дфн Николаем Нейчевым, отвечают требованиям Закона о развитии академического состава в Республике Болгарии (ЗРАСРБ), Правилам о применении ЗРАСРБ и соответственным Правилам ПУ „Паисий Хилендарский“. В работах кандидата есть оригинальный научный вклад, получивший международное признание, а часть их опубликованы в журналах и научных сборниках, изданных болгарскими и иностранными академическими издательствами. Научная и преподавательская квалификация доц. дфн Н. Нейчева несомненна.

Николай Нейчев рожден 19 мая 1959 г. С 1994 до 2000 г. он ассистент на гонораре на Кафедре русской филологии в ПУ „Паисий Хилендарски“; с 2000 до 2001 г. и с 2001 до 2003 г. он соответственно ассистент и старший ассистент, с 2003 до сих пор - доцент на той же самой кафедре. Женат, с двумя детьми. Его супруга – филолог-руссист.

Как получивший право на преподавание в ПУ, доц. Нейчев читает лекционный курс русской классической литературы (русская литература XIX-а века) в специальностях: Болгарская филология, Славянская филология, Болгарский язык и русский язык, Болгарский язык и английский язык, Болгарский язык и немецкий язык, Болгарский язык и французский язык, Болгарский язык и новогреческий язык, Болгарский язык и испанский язык, Болгарский язык и турецкий язык, Болгарский язык и итальянский язык, Болгарский язык и китайский язык, Болгарский язык и корейский язык, Болгарский язык и история. Как заведующий кафедрой, он ведет ту же самую дисциплину и в филиале ПУ в г. Смолян по специальностям: Болгарский язык и история, Болгарский язык и английский язык. Кроме того он руководитель

ряда дипломных работ в области литературоведения со студентами всех специальностей, закончившими образование с очень хорошей и отличной оценкой по дисциплине Русская литература XIX века, и является ментором докторских диссертаций по русской классической литературе (история и теория литературы, герменевтика). Признание о его работе как о компетентном научном руководителе, рецензенте и исследователе – очень высокое, а его присутствие в болгарской и иностранной академической общности русистов литературоведов уважительно.

Доц. Нейчев самый последовательный и ревностный исследователь творчества Федора Михайловича Достоевского у нас, чья позиция часто цитируется иностранными авторами. О чем говорит и факт, что его монография „Ф. М. Достоевский. Таинственная поэтика“ (2000 г.) – единственная, написанная болгарским ученым и изданная в России, что обеспечило значительно более широкое распространение его оригинальных тезисов и оказалась представительной для нашей литературной русистики вообще.

Перед тем как комментировать труды, отмечу одну важную сторону его исследовательской деятельности, которой он утвердился и которую он отстаивает в болгарской гуманитаристике. У Нейчева есть подчеркнутое религиозное мировоззрение, и его отношение к человеку, к миру, к обществу и литературе предопределено Восточным Православием. Именно этот факт делает его особенно ценным толкователем русского XIX-го века с распознаваемым голосом и углубленной компетентностью в построении и суггестировании определенного подхода и дискурса преимущественно к трем авторам, скорее всего импонирующим его научным исканиям, в которых он проецирует и находит подтверждение своей собственной индивидуальности: Ф. М. Достоевский, Н. В. Гоголь и А. С. Пушкин. Перечисляю их в обратной последовательности сообразно с порядком, в котором они его интересуют: Достоевский полностью, Гоголь большей частью своего творчества и Пушкин отдельными произведениями. Переходя через множество точки зрения, топики, ракурсы, семиотические, религиозные и психоаналитические подходы, сегодня неослабевающий его литературоведческий стремление к Золотому веку в России перенаправляется к проблемам, сопоставляющие квантовую физику и литературную герменевтику, что в некотором смысле – и буквально, и метафорически – увенчивает весь его путь исследователя литературоведа, делающего высокую и чистую науку.

Первый важный труд, представленный кандидатом в профессора, это его монография „Квантовая литературная герменевтика и экзегетика. Проблема понимания художественного текста: Н. В. Гоголь и Ф. М. Достоевский“. Текст структурирован в

вводных словах, пяти основных глав, приложении, резюме на русском и английском языке и цитированной литературе, насчитывающей 412 библиографических единиц – книжных и электронных ресурсов, из них 311 на кириллице – на болгарском и русском языке, 98 на латинице – преимущественно на английском и 2 на греческом языке. Общий объем тома –

Обращение болгарского литературоведа к квантовой теории и применение ее на поле художественности (сочетание физического и фикционального дискурса) – смелый и заслуживающий восхищения опыт, так как в контексте собственных наших культурных установленностей это нечто новое, незнакомое и даже пугающее, близкое к экстравагантному, хотя, если посмотреть через оптику мировой интердисциплинарной теории и практики, и чуточку запоздавшее. Но на этот раз речь не идет об обычном родном „наверствовании“; не и о традиционно отмечаемом вкладе „первого в своем роде исследования“ по данной проблеме у нас, что всегда вызывает сильные сомнения, если единственным его достоинством окажется предикат „первое“. Нейчев в данном случае делает нечто совершенно иное. Он следит за процессами в мировой гуманитаристике, точнее, в герменевтике, теологии в, литературной и в отдельных точных науках, и переносит свой интерес, который корреспондирует / соизмеряется с последними открытиями и экспериментами в открытии книжности и ее интегрировании с физикой, а отсюда – с православной конвенцией – к полю русской словесности XIX века, выбирая лучшее через свой взгляд болгарского ученого. Пробует, иными словами, переосмыслить и предложить новую идею о том, как текст, положенный в сфере квантовых модуляций и прочтенный через соответствующие резонирующие импульсы и аксиомы, преобразует физику в олитературенную мета-физику.

Сильно приветствую появление такого труда, хотя бы потому, что он интегрирует как теоретическую основу эмпирический взгляд автора самые важные открытия в области квантового (параллельного) мира, отраженные в серьезных научных монографиях и студиях, на которые ссылаются все мировые ученые, исследующие сходные проблемы. Николай Нейчев не есть первооткрыватель ни единосущных принципов, на которых строятся и функционируют квантовая физика и литературный микро и макрокосмос, ни пересечение между квантовой картиной мира и христианской доктриной, между ней и русской литературой от Гоголя до Достоевского в частности. Но у него есть собственное мнение по этим вопросам и он пытается изъяснить последовательно и убедительно, хотя один из начальных его постулатов гласит: „...мы можем объяснить что видим, но не можем объяснить почему“. Более важен однако другой вывод, к которому автор приходит на сравнительно раннем этапе своего исследования. Формулировка – мой перифраз, но я вывожу ее из его размышлений: поэтику можно

рассмотреть как гуманитарный палимпсест / перенаписание теории квантовой физики *еще до* возникновения самой квантовой физики.

В первой части своего исследования, „*Квантовая революция*“, Нейчев синтезировано и искусно/сведующе прослеживает основные принципы, на которых основывается квантовая теория, делая рациональные и функциональные обобщения. В экспонировании черного тела с большим *воображением* – инструмент, с которым по его мнению оперируют главным образом гуманитарные науки – его поведение можно „лабораторно“ иллюстрировать и проследить, к примеру, движением шара на бильярдном столе, траектория, позволяющая с помощью иммагинации быть „одетым“ в литературный сюжет. Иначе говоря, таким образом абстракция конкретизируется и „материализуется“, так как „До того, пока большое и малое – только всего лишь относительные понятия, невозможно объяснить большое с точки зрения малого“ (стр. 38). Занятие квантовой физикой, как уже я обратил внимание, есть находка, даже запоздавшая в некотором смысле для болгарского литературоведения, хотя бы насколько в мировом плане наукам давно уже „тесно“, а вот физика и литература успевают найти естественную дорогу друг к другу. Контекст у нас однако все еще консервативен, и долгое время эта глава монографии Николая Нейчева или будет очень мало читаемой, или же, наоборот, будет предпочитаемой, порождающей оспаривания, дополнения, (не)согласия, надстраивания, до тех пор, когда она будет усвоенной и будет провоцировать проявление других сходных научных трудов.

Особо существенна и с вкладом в науку часть вторая: „*Квантовая литературная герменевтика*“, в которой принципы и анализы в физике перенаправляются на поле литературы и прежде всего разъясняются через творчество модернистов – ирландца Уиляма Йейтса, американца Эзра Паунда и американско-британца Томаса Стернз Элиота как поэтов, несоответственно / несоответственно использующих частоты квантовых волн в верифицировании экспрессивного своего дискурса. Нейчев выясняет этот процесс, ссылаясь на критика Даниеля Олбрайта, по мнению которого Паунд посвящает много времени и усилий, чтобы доказать следующую ключевую „теорему“ модернизма: „каждое произведение, независимо от того к какой области науки или искусства принадлежит (физика, биология, литература, музыка или изобразительное искусство), происходит от одного „зародыша“, который осуществляет пространственно (как картины, статуи и пр.) и временное (как стихотворения, сонаты и пр.) расширение. Так „кванты наук и искусств оказываются идентичными“. Но после того как зародыш (согласно терминологии Паунда – „вортекст“) развернется в мире пространства и времени, он быстро теряет способность взаимодействовать с тем, что его породило. В таком смысле Эзра Паунда можно считать одним из самых ярких представителей корпускулярной эстетики“ (стр. 130). Еще два заявленных и разъясненных Нейчевым постулата: „...слово само

по себе не имеет особого значения, важно телепатическое течение, которое связывает писателя и читателя в состоянии непосредственной электрической связанности. Слова – это только лишь эфир, через который переходят волны чувств, спешно и спонтанно“. Отсюда происходит и одно из главных проявлений волновой поэтики – „потерянный престиж существительного“, так как „чистая тяжесть существительного, плотность его гравитационного поля, делает его привлекательным для эстетики частиц; но эстетика волны предпочитает глагол“ (там же: 131).

Пока я наполнял смыслом алгоритмы, по которым языково-литературные конструкты и механизмы взаимодействуют с теми квантов, представленных в исследовании, у меня возник такой скептический вопрос: один из больших рисков, которые болгарский ученый берет на себя – и тут я не был уверен в какой мере его начинание успешно – как синтезируется диффузная зона между теоретическими рассуждениями о квантовании, с одной стороны, и русской литературой, с другой, писанная далеко до появления Эйнштейна, Фрейда и Гейзенберга, и без сознания о подобных реляциях. Применить развивающуюся западную теорию, возникшую в начале XX-го века, к герметизированному каноническому корпусу русской литературы XIX века, не всегда услужливо, и часто такие авантюры кончаются поражением. Через несколько страниц Нейчев поспешил ответить (мне): „Квантовое литературоведение есть прежде всего квантовая поэтика, а не квантовая герменевтика – то есть, оно ставит акцент на форму, а не на смысл художественного произведения. Наша идея совершенно иная, а именно – попробовать построить модель квантовой литературной герменевтики, используя принципы квантовой теории, т. е. – постигнуть смысл художественной реальности через приемы, которые использует физика, в стремлении объяснить себе смысл окружающей нас реальности“ (там же: 135).

Не могу определить где граница между теорией и манипуляцией, но факт то, что в сочетании интертекста, герменевтики, семиотики и квантовой поэтики, истина о литературном тексте совпадает с нашим субъективным настроением здесь-и-сейчас по вопросу о том, что он говорит. Совпадает, то есть, с нашим собственным самовыражением через него. Что не есть то же самое и не может совпасть с нами в какой-то прежний, в настоящий или в какой-то следующий момент. Остаеся фиксированный текст и его интерпретация, понимаемая как временная и времева фиксация в нем.

Все, сказанное на первых 170 страниц, подготавливает основу о сущностной третьей части монографии, „Квантовая литературная экзегетика (на материале из творчества Н. В. Гоголя и Ф. М. Достоевского), содержащая пять глав, занимающихся последовательно с повестями Гоголя „Вий“ (первая глава), „Нос“ (вторая глава), „Шинель“ (третья глава), с ранним романом Достоевского „Двойник“ (четвертая глава) и с тремя из романов

„Пятикнижъя“ – „Преступление и наказание“, „Идиот“ и „Братья Карамазовы“ (глава пятая). Это и самая объемистая и с научным вкладом часть работы (более 250 страниц), доказывающая бесспорным образом Николая Нейчева как углубленного и серьезного специалиста в области русского XIX-го века, имеющего свой собственный взгляд. Обращу внимание только лишь на несколько особо впечатляющие открытия предельно известных классических произведений, затронутые в анализах.

Впервые в болгарской литературоведческой русистике сюжет „Нос“-а обвязывается с произведением Лоренса Стерна. Нейчев находит сходства с „Историей Слокенбергия“, где рассказывается о том, как в один „прохладный августовский вечер“ в городе Страсбург приезжает иностранец с чудовищно огромным, „длинным как труба носом“. С этого момента Нос иностранца превращается в основную тему для разговоров, брожений, слухов, споров и вожделений всего населения Страсбурга. Впрочем Гоголевский „Нос“ „повторяет“ некоторые из этих основных мотивов текста Стерна“ (194–196). Этими наблюдениями автор расконспирирует псевдооригинальность петербургской повести как полностью перифразирующую Стерна. Более того: „Сакральная темпоральность разыгрывается, с одной стороны, в еще более экстремально пародийном плане в Гоголевской повести „Нос“, а с другой – с различным содержанием из „Тристам Шанди“ Стерна. Как подчеркивает И. Ермаков, „при всем своем внешнем сходстве в приемах, Н. В. Гоголь („русский Стерн“, по словам Пушкина) резко отличается от своего предшественника, да и то именно столько, сколько строй русской души не походит на строй английской“ (213). Я умышленно привел последнюю цитату, так как она предлагает не просто наблюдения о сходстве между Стерном и Гоголем, а интегрирует редкий, но исключительно важный взгляд – взгляд первого психоаналитика русской литературы, проф. Дмитрия Ермакова, который „легитимирует“ присутствие фантастического в „Петербургских повестях“ как отголосок от новозаветных чудес Христа, подтверждающих основания для его канонизации. Таким же способом наблюдаются колебания традиционного подступа к самому известному произведению в цикле – „Шинель“. По мнению Нейчева, она не рассказывает „о „маленьком человеке“, ни менее того о личности титулярного советника Башмачкина. Здесь явно имеем дело с нечто различным, нечто совсем иным, нечто, которое вытекает из каких-то неведомых потусторонних берегов и которое по какому-то антиномическому способу принадлежит ему и не принадлежит ему; данное ему и одновременно отнятое; нечто, которое неслитно и неразлучно существует и показано фокусировано через его образ в бытии текста – это „нечто“ есть его Имя [...] Акакий Акакиевич Башмачкин“ (302–303).

На фоне бесспорных находок автора, не могу все же не отметить один существенный пропуск: „Шинель“ впервые у нас (и не только у нас) интерпретирован через агиографическую матрицу доцентом доктором Николаем Звездановым, чья статья „Украденная супруга“ ни разу не упомянута. И еще. К концу главы о Гоголе употребляется термин „неполная интерпретация“. Мне кажется, что дефиниция нуждается в дополнительном разъяснении. Которая интерпретация полна, и возможна ли полная интерпретация?

Очень находчива и оригинальна идея „Двойника“ Достоевского рассмотреть как преодоление Гоголя, в основном – „Нос”-а. Убедительны и дополняющи к уже разработанному Нейчевым на различных поэтологических уровнях о авторе „Пятикнижья“ наблюдения фантастического в „Преступление и наказание“, „Идиот“ и „Братья Карамазовы“. Но мимо серьезных результатов исследования, я отметил бы, что попытка сочетать небольшие и большие целостности, писанные с различной целью в разное время, и желание привести их к общему знаменателю „квантовая литература / тексты в суперпозиции“, не всегда срабатывает. Иногда до степени озадачивания.

Второй академический труд из депонированных материалов на конкурс профессора – *„Русская классическая литература. Университетский учебник“* с подзаголовком: *„Часть первая. Русский роман XIX века“*. Текст обемом в 444 страниц, распределенный в введение, теоретико-поэтологическое введение и шесть персональных частей / главы, рассматривающие Пушкинского „Евгений Онегин“, Лермонтовского „Герой нашего времени“, Гоголевские „Мертвые души“, „Пятикнижие“ Достоевского, отдельно – „Преступление и наказание“ в контексте „Пятикнижия“ и компаративистический анализ „Войны и мира“ Льва Толстого и „Братьев Карамазовых“ Достоевского как романы эпопеи. Цитированная литература насчитывает 278 заглавий, из которых 272 на кириллице (русский и болгарский) и 6 на латыни (английский язык).

Корпус исключает только одно из установленных в принимающем болгарском художественном контексте имен из русского канона Золотого века – Тургенева. Исключивание симптоматично, потому что очевидно текст-Тургенев не вписывается в отстаиваемого автором мессианского тезиса о прозе заявленного периода. Все же, как мне кажется, определенность и в этом смысле охватность заглавия „Русский роман“ предполагает наличие отдельной главы о Тургеневе, каковая не только отсутствует, но даже во введении это отсутствие не обосновывается никоем образом. Имя его упоминается только лишь несколько раз беглыми примерами о типологии главного и второстепенного героя или хорошо известной его ссоры с

Достоевским в Баден-Бадене. Речь идет не столько о невключивании этого „западника“ в исследование, сколько об уточнении основного паратекста.

Нейчев ссылается на уже обнародованных своих тезисах в попытке обвязать их парадигматически и контекстуально в общем нарative о русском романе. Он начинает своеобразным панегириком о русской литературе XIX века, отказывая видеть ее как нечто иное, кроме как теодицею и антроподицею или „земную“ Библию, отражение „небесной“ (13). Еще более крайню утверждение: „так называемая „русская литературная классика“ с трудом покрывается со смыслом традиционного понятия „художественная литература“. Строго говоря, это логос, который не обязуется преимущественно реалистическим описанием видимой стороны бытия, да и не имеет целью сотворить некое иное, параллельное бытие“ (там же). До этих суждений встречаем и следующую ссылку выдающегося в русском литературоведении авторитета: „Искусство в России зарождается как молитвенное действие – проникновенно отмечает И. А. Илин; – это церковный, духовный акт; не забава, а ответственное деяние“, которое невозможно понять вне Православия“ (5). Но эта обоснованность, как бы и она ни была обдумана и защищаема, выглядит предположенно, односторонне, пристрастно, не допуская возможности для более широкого полемического поля, а совершенно ясно, что европейская культура совсем не препятствована имплицитным православным кодом при усваивании русской литературы XIX века, и это не мешает, чтобы западная руссистика имела свой бесспорный вклад в толковании известных произведений.

Делаю и другое, тоже немаловажное уточнение. Исходя из идеи о мессианском дискурсе, что более верно: чтобы получить „ранг“ автора русской литературы тебе непременно иметь религиозное мировоззрение, или необходимо, чтобы собственное твое творчество имплицировало таковое, что есть нечто несовпадающее и совсем различное. Примером этого, скажем, Гоголь, непринятый с охотой своими выдающимися современниками литераторами, но текст-Гоголь полностью вписывающийся в русском каноническом корпусе. Говорю это, потому что сама вводная часть учебника в различных своих фрагментах перегружена тенденциозно подобранными цитатами, направленные в ракурс, не особенно подобающий и приемлемый для разнообразной студенческой аудитории. Я сказал бы, что это пособие скорее для избираемого специализированного курса философии, богословия, культурологии, чем для общей дисциплины, вводящей в историю и поэтику русского романа XIX века для филологов. Красноречивый пример: „...русская литература есть „литература“ воплощенного Откровения. Она связана с церковнославянскими и литургическими источниками и является преемницей библейского слова, „так как для представителей мессианства о 30–40-ых годов Россия, разумеется, есть новый Израиль, доказательством чего

служит ее поэтический логос, собравший в себе библейское величие“ (6), и в скобках отсылает к идентичной мысли, высказанной через три десятилетия раньше Михаилом Вайскопфом.

Я, однако, полностью солидаризируюсь с другим выводом, сделанным автором: „Но русская литература XIX века порождает и нечто в высшей степени удивительно – это не только целостный, но и самоцитирующийся, как и самообъясняющийся текст. Феномен, сравниваемый единственно с „книгами“ священного библейского логоса“ (10). Это продуктивная и ангажирующая мысль, насколько она отсылает к специфике нашего собственного литературного процесса и к дискурса и, если хотите, к поведению нашей литературы XIX и XX веков: почему в Болгарии это не выглядит таким же самым образом и что их предопределяет, чтобы они были такими, каковыми они есть. Еще один положительный факт о предложенной работе. Она появляется на фоне уже существующих, написанных болгарскими авторами и авторскими коллективами идентичных учебников: Георгия Германова, Ангела Анчева, Петко Троева, Христо Манолакева, как и университетский учебник „Русская литература XIX и XX века“ (Пловдив 2002, 2005), в котором в части о классическом столетии глава о Достоевском тоже доц. Нейчева. Независимо от этих немало появившихся в разное время книг, предназначенных для академической аудитории, Нейчев составляет полностью авторский учебник, предлагающий версию о чтении русского романа, не переплетающуюся, не оспаривающую или противоречащую уже существующим. В таком смысле можем принять его подход как альтернативный и отсутствующий до сих пор нарратив об этом представительном и признанном русской классической литературой жанр, увиданный через профессиональный болгарский взгляд.

Третий самостоятельный труд, представленный кандидатом в профессора ПУ, это университетское учебное пособие „Русская драматургия XIX века“ объемом 210 страниц. Этот том, полностью покрывающий хрестоматийный жанр, имеет прагматическую направленность, сочетая отрывки из драматургических текстов с авторскими пояснениями и комментарием. Спешу отметить, что в подобных пособиях есть абсолютная необходимость – они делают доступными не только необходимые для учебного процесса произведения, но и концептуализируют направление, в которое воспринимает, толкует и приподносит титуляр курса. Кроме того, используемые болгарские переводы переиздаются сравнительно редко, а предлагаемые в электронных сайтах „Читанка“, „Литернет“ или „Литературный мир“, к примеру, довольно сомнительны как художественный уровень – некоторые из них безнадежно

остаревшие, но их авторские права истекли, и поэтому они распространяются свободно, что не хорошо для пользующих их студентов.

Проблема здесь иная, и на первом месте сводится к включенным в содержание авторам и произведениям. На практике из восьми канонических русских драматургов XIX века, усвоенных болгарским контекстом (Грибоедов, Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Островский, Тургенев, Толстой, Чехов – и Достоевский, хотя он не написал эксплицитную пьесу, но зато почти не сходит с мировых сцен), в пособии присутствуют трое, и то каждый с одной своей пьесой – за исключением Пушкина, представленного кроме как с „Борисом Годуновым“, и с циклом „Маленькие трагедии“, в то время как Гоголь представлен „Ревизором“, а Чехов – „Вишневым садом“. Соотношение между отрывками из произведений и метакомментариями почти уравновешено с легким перевесом отрывков (112 на 91 страницы). Нет проблем, разумеется, чтобы авторов было трое, но для подобного решения необходима более обстоятельная обоснованность. С уверенностью могу сказать, что идея составителя здесь скорее всего подразумевается, чем выговорена и защищена. Акцент снова на религиозном, метафизическом и мессианском. Пушкин увиден как заступник Восточного Православия и соответствующего ему философию истории в трагедии „Борис Годунов“, в то время как в „Маленьких трагедиях“ он делает реципрочный осмотр – истории христианского этоса через страсти отдельного человека, как его постулирует Западная Церковь; в „Ревизор“-е интерпретируется миф о Втором Пришествии, а в последней пьесе Чехова „иносказательно воссоздается кризис русской религиозной идеи в ее мессианистическом аспекте“ (174). Четыре произведения рассмотрены как сущностные акценты – „столбы“, поддерживающие идею святости в русской драматургии, разделенные между собой неравномерными интервалами: „Годунов“ написан в 1825, в 1830 – „Маленькие трагедии“, „Ревизор“ – в 1836 и „Вишневый сад“ датируется с 1903–1904 г. Так Нейчев прослеживает одну-единственную линию из драматургического дискурса русской классической словесности, скорее находит и конципирует тенденцию, которая совсем не ведущая в театральном мышлении, ни в самых избранных сценических текстах. Как иначе объяснить себе, что если первые три пьесы возникают через пять лет, то между Гоголевской и Чеховской проходит почти семь десятилетий, без того, чтобы между ними существовало идентичное произведение? Обращу внимание на то, что при одном более усердном аналитическом исследовании есть пьесы, со сходной проблематикой, и „Сила мрака“ Льва Толстого (1886) самый лучший тому пример.

Несколько заметок поэтологического и историко-литературного естества.

Предложение о главном герое в „Годунов“-е считать исторические фигуры, не появляющиеся в действии, но движущие его „по подразумеванию“ – Иоан Грозный и

убитый царевич Дмитрий, весьма произвольно. Я согласен, что долго затянутые в пушкинистике споры о том, кто главный герой: царь, самозванец или народ, полностью бессмысленны, но не принимаю утверждение о том, что в пьесе нет главного героя. Чтобы сделать этот вывод, составитель пренебрегает сам принцип титрологии, согласно которого Пушкин категорически номинирует центральное действующее лицо, и это – Борис Годунов. Самозванец входит в действие после того как Борис *уже* появился в предходной сцене, и выходит через одну сцену до его окончательного ухода, что делает его круг вписанным в кругу царя. И еще, что прозвучало для меня сильно проблематически: „...факт, что все события в „Борисе Годунове“ – говорит Нейчев – остаются вне видимого пространства сцены, так как они рассказываются, а не показывают их, означает, что автор определенно не интересуется миметической визуализацией истории, и причина этого антидраматургического приема имеет фундаментальный характер. Практически трагедия „Борис Годунов“ – драматургическая философия истории, трансформирующая драматургию действия в драматургию слова, которая не предназначена показывать, почему истинная сущность Истории есть не заблуждение ее видимой феноменологичности, а невидимая ее для сетивности метафизичность“ (201–202) Потому что считаю, что сказанное эффектно, но не точно. Пьеса полностью драматургична, что видно из диалога, но несценична, она скорее попадает в категорию „драмы для чтения“, а театральная ее судьба и до наших дней незавидна – ставится исключительно редко, и по ней нет этапного спектакля, но есть известная в мире опера и экранизации. В совсем конкретном аспекте однако средние три из 23 сцен, на которых построена ее структура, огороженные точно по десяти предшествующих и следшествующих их, *показывают, а не рассказывают*. Они, согласно терминологии доц. Нейчева, „западные сцены“ – развиваются в Польше, в чем можно искать какую-то закономерность или символику. Но исторический драматургический дискурс обычно гораздо более словесен, чем действен, и в качестве примера можно указать на исторические хроники Шекспира, Шиллера и Лесинга, ни в одной из которых ничего не показано.

Анализ „Вишневого сада строится на тезисе, приподнесенном в другой раз Нейчевым, и он сам по себе обоснован и приемлем. Но в настоящем пособии составитель развернул еще свои размышления, пытаясь выяснить явление „Чехов“ и, точнее, утвердившуюся формулу „театр Чехова“. Чрезмерное всматривание в „рускости“ и едва ли не в замкнутости Антона Пвловича однако он пропускает заметить, что после Шекспира он самый усвоенный на Западе драматург. И не только это, *единственный мировой драматург славянского происхождения* именно Чехов. Словом, здесь интерпретативные парадигмы широко открыты, и к ним нельзя подходить широко закрытыми глазами. А вывод, с которым категорически не могу согласиться,

это: „...именно эта „антитеатральная“ метафизическая предпосылка объясняет в большой степени отсутствие в русской драматургии XIX века [...] типичных для западной сценичности театральных приемов: острая конфликтность, диалог, динамика действия, персонажная иерархичность, диктатура протагониста, моносюжетность, жанровая канонизация и пр. Чеховская драматургия является естественным продолжением и своеобразной кульминацией именно этой специфической традиции“ (197). Вызывать сомнения в строгой иерархичности действующих лиц по оси *главные – второстепенные – эпизодичные* – открытие Чехова, и оно противопоставлено не просто всей предшествующей западноевропейской и русской драматургии XIX века, но и собственным его опытам до 1895 г., когда он пишет пьесу „Чайка“. Именно здесь наблюдаем огромную *театральную* провокацию для всего мира, так как нет иного автора, у которого каждый из персонажей может стать главным по воле режиссера и интерпретатора.

Библиография насчитывает 66 заглавий метатекстов, помещенных выборочно после комментариев отдельных пьес. Некоторые из них повторяются, но рекомендую актуализировать список и более полно представить труды болгарских авторов.

Четырнадцать научных статей, опубликованных в период 2004–2023 г., общим объемом 187 страниц, можно рассмотреть и как самостоятельную неформальную студию; в известной степени они являются исходным материалом для большинства развернутых в основной монографической работе и в остальных текстах концепции, и сопоставление между ними демонстрирует развитие и углубление научной мысли доц. дфн Николая Нейчева в годы его академической и преподавательской карьеры – откуда идет его интерес к данной проблеме, как развивается и уплотняется в течение времени и какое окончательное воплощение получает в предлагаемых на конкурс исследованиях.

Представленные на конкурс материалы насчитывают почти 1500 страниц, и это только часть научных трудов и литературоведческого наследия доц. Николая Нейчева. Что, со своей стороны, свидетельствует о его не только продуктивности, но и углубленности в темах, по которым писалось мало, в отдельных случаях – никак, и в областях, в которых он может еще сказать и чем увлечь своих студентов и коллег. Более того – у него есть сознательный отказ от

публичности, понимаемый как медийное проявление и переэкспонирование. Эту его скромность и почтенность к науке и коллегии есть нечто, что я сильно приветствую. Одновременно он участник в одних из самых престижных руссистических форумах, и его исследования находят место на страницах утвержденных научных журналов у нас и за границей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Постигнутые доц. дфн Николаем Михайловым Нейчевым результаты в учебной и научно-исследовательской деятельности полностью соответствуют минимальным национальным и дополнительным требованиям Филологического факультета, принятым в связи с Правильником ПУ о применении ЗРАСРБ. После ознакомления с представленными в конкурсе материалами и научными трудами, с анализом их значимости и содержащийся в них научный вклад, нахожу основательным дать свою положительную оценку и порекомендовать Научному жюри изготовить доклад-предложение до Факультетского совета Филологического факультета на выбор доц. дфн Николая Михайлова Нейчева на академическую должность „профессор“ в ПУ „Паисий Хилендарский“ по: области высшего образования 2. Гуманитарные науки, профессиональное направление 2.1. Филология, научная специальность Русская литература.

15 марта 2024 г.

Рецензент: .....

Проф. д-р Людмил Димитров